

ВИКТОР МОР

“ЗАРЯ”

~~ПРОШЛОЕ~~

МЫ - БУДУЩЕЕ СТРАНЫ

МЫ - БУДУЩЕЕ СТРАНЫ

ЗОЛОТО ПАРТИИ
ПРОЕКТ АТЛАНТ

Виктор Мор

Золото Партии-Проект Атлант

<https://litres.ru/74168089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сергей проверил время и дату. И замер.

Телефон показывал 10 августа. Тот же день, в который он вошёл в лагерь во второй раз. Тот же день, в который он спустился в бойлерную. Но как такое возможно? Он провёл под землёй минимум трое суток. Дети подтверждали: они отсчитывали часы. Семьдесят два часа — именно столько, по словам Рябинина, оставалось системе жизнеобеспечения. Он должен был выйти 13 августа. Но сегодня было 10-е. Тот же самый день.

— Что-то не так? — спросила Аня, заметив его замешательство.

— Дата, — сказал Сергей. — Она не изменилась. Я вошёл в лагерь сегодня. И вышел сегодня. Но я пробыл там трое суток.

— Зеркало, — тихо произнёс Коля. Он впервые за долгое время заговорил сам, без принуждения. — Зеркало Козырева. Оно искажало время. Мы говорили тебе. Там время течёт иначе. Может быть, для нас прошли дни, а для мира — часы.

— Или наоборот, — добавил Миша. — Может быть, для нас — часы, а для мира — дни. Или годы. Мы не знаем. Мы не проверяли.

Содержание

Глава 2. Частота 4625 кГц	17
1	17
2	21
3	29
4	37
Глава 3. Первый шурф	38
1	38
2	49
Глава 4. Костяной горизонт	54
1	54
2	59
3	66
Глава 5. Зеркало Козырева	71
1	71
2	75
3	79
4	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Виктор Мор

Золото Партии- Проект Атлант

Глава 1. Ржавый горн

1

Ржавчина хрустела под берцами, как перетёртая в муку костная крошка. Сергей остановился на границе тени и света — там, где упавшие створки ворот уже не отбрасывали преграды солнцу, — и закурил. Дым смешался со степной пылью, закрутился в невесомый жгут и растаял в вышине, где ослепительно-белое, словно эмалированное, августовское небо выжигало Михайловский район дотла.

Он приехал сюда за золотом.

За тем самым золотом, о котором шептались на форумах «чёрных копателей» вот уже три десятка лет, но никто не мог предъявить ни единого слитка. Мифический золотой запас КПСС — партийная касса, исчезнувшая в августе девяносто первого. По официальной версии, растворилась в офшорах и карманах новых хозяев жизни. По неофициальной — легла на дно. В буквальном смысле. Где-то здесь, в Михайловском районе, под прикрытием детского учреждения.

Над аркой висела табличка. Буквы когда-то были золотыми — теперь от них остались грязные рытвины в жести, но

прочитать можно было без труда: «Пионерский лагерь "Заря"». Чуть ниже — стандартный бетонный барельеф горниста. Трубочка была в парадной форме, с пионерским галстуком, откинутым ветром. У горниста не было глаз. Гипс выкрошился сам, без вмешательства вандалов, оставив две аккуратные чёрные полости, в которые ветер набил сухих сосновых иголок. Казалось, он смотрит в никуда и одновременно — прямо на Сергея.

— Ну здравствуй, пионер, — сказал Сергей вслух и шагнул за ворота.

Машину он оставил в полутора километрах, в Гнилой балке, под прикрытием разлапистого вяза. «Нива» была забита снаряжением по самую крышу. Эхолот-кустарщина, собранный на «Ардуино» полусумасшедшим радиолюбителем из Дубовки. Две катушки георадара «Лоза» — старых, ещё советских, но работающих. Альпинистские крючья, страховочная обвязка, налобный фонарь с запасом аккумуляторов, способный светить трое суток без подзарядки. И двенадцать тротильных шашек — на самый крайний случай. Сергей не собирался на прогулку. Если придётся взрывать — он взорвёт.

Документы, приведшие его сюда, лежали в водонепроницаемом планшете, пристёгнутом к поясу. Полгода назад он разбирал архив покойного профессора Волгоградского педагогического — старый друг отца попросил помочь с бумагами перед сдачей квартиры. Профессор Мезенцев когда-то

читал историю КПСС, а в девяностые тихо спился и умер в одиночестве, оставив после себя горы папок, которые никто не удосужился выбросить.

В одной из папок, подшитой суровой ниткой и залитой парафиновой печатью, обнаружилась опись. Серая бумага, фиолетовые чернила, гриф «К делу № 17/щ — хр. 3 года». И строка, от которой у Сергея на секунду остановилось сердце:

«Изделие А-7. Масса нетто 2400 кг. Перемещено согласно акту № 11 с объекта "Шилка" в хозблок объекта "Заря". Отв. — майор госбезопасности М.М. Прибытков».

Две с половиной тонны. Даже если допустить, что «изделие А-7» — это не золото в чистом виде, а, скажем, оборудование, содержащее драгметаллы, игра стоила свеч. Сергей поднял все доступные архивы, спутниковые снимки, воспоминания старожилов. Лагерь «Заря» закрыли в 1989-м — раньше, чем остальные подобные учреждения. Официальная причина: авария канализационного коллектора, заражение грунтовых вод. Детей вывезли за одну ночь, персонал распустили, территорию обнесли колючей проволокой. В девяносто втором проволоку сняли мародёры, но в лагерь так никто и не сунулся всерьёз. Странно, если учесть, что поблизости не осталось ни одной целой дачи или фермы — всё растащили до последнего кирпича.

А «Заря» стояла нетронутой. Почти тридцать лет. Теперь Сергей видел её воочию.

Лагерь разворачивался от ворот широкой подковой. Глав-

ная аллея, мощённая битым красным кирпичом, уходила вглубь, к зданию административного корпуса. Слева и справа — одноэтажные спальные бараки, выкрашенные когда-то в весёлый зелёный цвет. Сейчас краска облупилась, и под ней проступила серая цементная штукатурка, покрытая сетью чёрных прожилок — словно капилляры проступили сквозь кожу мёртвого существа.

Стёкла в окнах были выбиты все до единого. Но не внутрь. Осколки лежали снаружи, под подоконниками, в траве — треугольные, острые, почти не запылённые. Как будто что-то выдавило стёкла изнутри. Одновременно. С равной силой во всех корпусах.

Сергей отметил этот факт машинально, не придавая ему большого значения. У мозга «чёрного копателя» есть полезное свойство: он игнорирует всё, что не относится непосредственно к цели. Страх — роскошь. Мистика — опиум для бездельников. Он здесь ради двух с половиной тонн золота, и остальное его не касается.

Деревья здесь росли неправильно. Клёны и ясени, разорвавшие асфальтовые дорожки, были неестественно толстыми, с корой, уходящей вглубь расползающихся трещин. Стволы изгибались под углами, не свойственными здоровой древесине. Некоторые ветви заканчивались утолщениями, похожими на суставные головки. Сергей коснулся одного такого утолщения, и кора под пальцами оказалась тёплой. На три-четыре градуса выше температуры воздуха. Может, гни-

ение? Он не стал размышлять. Пошёл дальше.

Под ногами хрустели не только рыжие чешуйки ржавчины. Гипсовые осколки. Обломанные руки, отдающие салют. Чьи-то кудрявые головы в пилотках. Торс девочки с горном, расколотый пополам. Лица у всех гипсовых фигур были стёсаны — словно кто-то методично прошёлся рашпилем именно по чертам, оставив гладкие овалы. Сергей наклонился и поднял одну голову. Тяжёлая. На месте рта — едва заметная щель, будто губы были сомкнуты намертво. От щели шёл слабый запах карболки.

Он отбросил голову в траву и сплюнул.

У входа в административный корпус висел транспарант. Выцветший красный кумач с белыми буквами: «МЫ — БУДУЩЕЕ СТРАНЫ». Кто-то перечеркнул слово «будущее» чёрной краской и коряво, сверху, вывел другое: «прошлое». Буквы были неровными, краска успела засохнуть, но не выцвести. Надпись появилась недавно. Полгода? Год? И главное — зачем? Кому понадобилось тащиться в глухую степь, в мёртвый лагерь, чтобы оставить это дурацкое граффити?

Сергей снял с плеча карабин «Вепрь», дослал патрон в патронник. Карабин был старый, воронёный, с потёртым цефём. Не музейный экспонат — рабочая лошадка. Сергей не ждал встречи с людьми. Но человек, оставивший надпись, мог вернуться. А люди, приходящие в такие места, редко бывают дружелюбны.

Дверь административного корпуса была приоткрыта. Ров-

но на ширину ладони. Словно кто-то не захлопнул её, уходя, а, наоборот, только что вошёл и оставил щель для наблюдателя.

Сергей толкнул дверь стволom.

Петли взвизгнули и замолкли. Изнутри пахло холодом — неестественным для августа, кондиционированным, подвальным. И сладковатым запахом разложения. Не смрадным, но тошнотворным — приторным, как лежалые яблоки.

Он вошёл.

Коридор тонул в полумраке, но света, падающего через выбитые окна, хватало, чтобы разглядеть детали. Стены были обшиты деревянными панелями, когда-то покрытыми лаком. Лак вздулся пузырями и полопался, обнажив тёмную, влажную древесину. С потолка свисали плафоны — некоторые целые, матовые, некоторые расколотые, и внутри них темнели высохшие трупики мух.

Мебель не сгнила. Она оплыла. Деревянные стулья и столы потеряли форму, превратившись в нечто среднее между восковой фигурой и пластилиновой поделкой. Предметы словно начали таять, но процесс заморозили на полпути. Сергей провёл пальцем по краю одного из столов — дерево было твёрдым, но на ощупь напоминало застывший желатин. Он отдёрнул руку.

В углу, прямо на полу, стоял пионерский горн.

Медный, начищенный до зеркального блеска. Ни пятнышка окиси, ни царапины. Он сиял так, будто его только

что протёрли суконкой. На мундштуке темнело влажное пятно. Слюна? Или что-то ещё, более вязкое, желтоватое, запёкшееся по краям?

Сергей присел на корточки, не касаясь горна руками. Запах карболки усилился. Он исходил от медного раструба — ровный, аптечный, медицинский. Так пахнут процедурные кабинеты. Шприцы. Биксы для стерилизации.

Он уже собирался отойти, когда сзади, с металлическим лязгом, захлопнулась входная дверь.

Сергей развернулся, вскидывая «Веprь». Палец лёг на спусковой крючок, дыхание замерло. В проёме, где только что была полоска дневного света, теперь темнела сплошная преграда. Дверь не просто закрылась — она вошла в косяк с глухим, окончательным стуком, словно её задвинули на за-сов снаружи.

Сквозняк. Просто сквозняк. В старых зданиях такое бывает. Перепад давления, гуляющий ветер, нарушенная геометрия проёма.

Но подсознание — тёмное, древнее, копившее страхи сотни тысяч лет, — уже взвыло сигналом тревоги. Потому что вместе со звуком захлопнувшейся двери пришла тишина. Абсолютная. Исчез ветер, перестали скрипеть деревья, смолкли цикады в траве. Даже кровь перестала шуметь в ушах. В этой ватной, противоестественной тишине горн у его ног издал короткий, чистый звук.

Ноту «ля».

Сергей посмотрел на горн. Тот лежал неподвижно. Никто к нему не прикасался. Но воздух внутри медного змеевика дрогнул — он видел это по лёгкому мареву над раструбом, — и второй звук, уже длиннее и ниже, разнёсся по коридору. Он не отражался от стен. Он впитывался в них. Панели взбухли, пошли волнами, словно поверхность пруда, в которую бросили камень.

А потом запах карболки стал невыносимым.

Сергей попятился. Сознание отказывалось принимать происходящее за реальность, но тело уже действовало на autopilote. Он отступал спиной вглубь коридора, держа дверь под прицелом. Горн звучал снова и снова — одна и та же нота, «ля», монотонная, чистая, лишённая обертонов. Ритм был неестественным. Четыре коротких, один длинный. Четыре коротких, один длинный. Как сигнал точного времени. Как позывные радиостанции, вещающей в пустоту.

Пол коридора дрогнул. Где-то внизу, под бетонной стяжкой, что-то пришло в движение. Не обвал, не тектонический сдвиг — плавное, живое, перистальтическое сокращение, как мышца глотки, проталкивающая пищу.

Сергей выругался сквозь зубы, опустил карабин и быстрым шагом, почти бегом, двинулся вглубь здания. Дверь закрыта? Отлично. Он найдёт другой выход. Окно. Пожарный лаз. Да что угодно. Не впервой.

Позади, в пустом коридоре, горн продолжал петь. Теперь к его одинокой ноте присоединились другие звуки — слабые,

едва слышимые. Детские голоса. Они доносились не снаружи и не из стен. Они звучали прямо в воздухе, на границе слышимости, как наведённая помеха на пустой частоте. Слов не разобрать. Только интонация. Просительная. Ждущая. Зовущая.

Сергей не оглядывался. Он считал шаги и следил за тенями. На восьмом шагу коридор раздвоился. Налево — лестница в подвал, табличка «Бойлерная. Посторонним вход воспрещён». Направо — холл с антресолями, откуда бил рассеянный дневной свет.

Он выбрал подвал.

Не потому, что ему нужна была бойлерная. А потому, что в планировке лагеря, которую он изучал по довоенным чертежам ещё дома, под бойлерной значился технический этаж. А под техническим этажом — подземный переход в хозблок. Тот самый хозблок, куда, согласно описи, завезли «изделие А-7».

Золото. Две с половиной тонны.

Лестница вниз была бетонной, с истёртыми ступенями и перилами из водопроводных труб. На стенах — следы копти и грибка. Лампочки в плафонах, естественно, не горели, но дневного света из холла ещё хватало, чтобы видеть первые десять ступеней. Дальше начиналась тьма.

Сергей включил налобный фонарь, поправил «Вепрь» на плече и начал спуск.

Горн наверху затих. Голоса тоже.

На мгновение ему показалось, что всё закончилось. Что дверь сейчас откроется, он выйдет, посмеётся над собственной глупостью и продолжит поиски, оставив мысли о мистике там, где им место — на страницах дешёвых романов.

Но на пятнадцатой ступени нога провалилась в пустоту. Ступенька была не бетонной. Она была деревянной, прикрытой сверху куском линолеума, и сгнила насквозь. Сергей потерял равновесие, вскинул руки и полетел вниз, пересчитывая рёбрами оставшиеся ступени.

Удар вышиб воздух из лёгких.

Он лежал на бетонном полу, глядя в темноту, и не мог вдохнуть. Фонарь погас. «Вепрь» отлетел куда-то в сторону. В голове звенело — не тот метафорический звон, который описывают в книгах, а реальный, высокочастотный, как после контузии.

А потом свет зажёгся сам.

Не фонарь. Плафоны под потолком бойлерной. Все разом. Они горели ровным, зеленоватым, больничным светом, хотя провода к ним давно сгнили и свисали со стен, как дохлые змеи.

Сергей приподнялся на локтях и увидел, где находится.

Бойлерная была огромной — гораздо больше, чем следовало из чертежей. Три массивных котла, похожих на присевших на корточки чугунных идолов, выстроились вдоль дальней стены. Перед ними — пульт управления с циферблатами, стрелки которых мелко дрожали. Но не это привлекло

его внимание.

В центре зала, на бетонном постаменте, стоял человек. Вернее, то, что когда-то им было.

Мумия в жёлтом прорезиненном костюме химзащиты. Поза — «скрюченный беглец»: колени поджаты к груди, руки прикрывают голову, пальцы скрючены в последней судороге. На груди, прямо поверх резины, был вырезан символ. Не ножом — чем-то более горячим, выжегшим края до чёрной спекшейся корки. Серп и молот, перекрещенные не под стандартным углом, а так, что образовывали пентаграмму. Линии перекрестья были продолжены книзу и в стороны, замыкая звезду.

Сергей поднялся, морщась от боли в ушибленных рёбрах, и подошёл ближе. Мумия не пахла. Вообще ничем — ни тленом, ни химией. Она была стерильной. Костюм сохранился идеально. Маркировка на груди: «Л-3. Год выпуска 1986». И ниже, от руки, химическим карандашом: «*Не вскрывать. При попытке вскрытия — уничтожить*».

Он обошёл мумию по кругу. На затылочной части шлема зияло отверстие с оплавленными краями — выходное пулевое. Мумию убили выстрелом в голову. Но тогда кто вырезал символ? И почему труп застыл в позе защиты, а не падения?

Сзади скрипнула дверь.

Сергей резко обернулся. Вход в бойлерную, тот самый, через который он только что пролетел кубарем, был теперь за-

крыт. Массивная стальная плита, похожая на корабельную переборку, встала на место старой деревянной двери. С той стороны доносился звук — уже знакомый, монотонный, чистый.

Нота «ля». Четыре коротких. Один длинный.

Но теперь он звучал не из горна. Его выстукивали детские пальцы по металлу. Множество пальцев. Десятки.

— Кто здесь? — голос Сергея прозвучал хрипло и чуждо. Тишина поглотила слова, не вернув эха.

Лампы под потолком мигнули. Раз, другой. И погасли.

На этот раз — окончательно.

В абсолютной темноте подвала Сергей Волков остался стоять, прижимая ладонь к рёбрам и считая до десяти. На счёт «семь» он услышал дыхание. Не своё. Медленное, влажное, kloкочущее. Оно раздавалось из угла, где стояла мумия.

На счёт «десять» мумия пошевелилась.

Резина скрипнула. Суставы, которых у мёртвого тела быть не должно, хрустнули. И в темноте раздался голос — сухой, как пепел, лишённый интонаций, без возраста и пола:

— Ты пришёл за золотом.

Не вопрос. Утверждение.

Сергей молчал. Рука нащупывала на поясе фонарь, но пальцы не слушались.

— Мы ждали тебя, — продолжал голос. — Тридцать лет. Три года. Три дня. Цифра сходится. Ты — недостающее звено. Ты — седьмой.

Лампы вспыхнули снова, на этот раз кроваво-красные, и Сергей увидел, что мумия сидит. Смотрит на него пустыми глазницами противогАЗа. И медленно, рывками, поднимает руку, указывая скрюченным пальцем на пол.

— Золота нет, — сказала мумия. — Золото — это ты.

Свет погас. Тишина лопнула, как гнилая ткань, и откуда-то снизу, из-под бетонного пола бойлерной, пришёл звук. Не горн. Не голоса. Гул. Низкий, инфразвуковой, от которого завибрировали рёбра и тошнота подступила к горлу. Бетон под ногами Сергея дал трещину, и сквозь неё пахнуло теплом, как из открытой духовки.

Он не помнил, как выбрался из бойлерной. Не помнил, как летел обратно по лестнице, перепрыгивая через сгнившие ступени. Не помнил, как нашёл «Вепрь» и как высадил прикладом окно в холле, вываливаясь наружу, в колючий кустарник, под белое, выжженное небо.

Помнил только одно. Когда он, хрипя и кашляя, бежал к воротам лагеря, позади, из всех корпусов разом, зазвучал горн. Сотни горнов. Они играли одну и ту же ноту. «Ля». И в этой ноте, перекрывая инфразвуковой гул, проступали слова:

«Вставай, страна огромная...»

Но пели их дети. Мёртвые дети. Голосами, лишёнными будущего.

Глава 2. Частота 4625 кГц

1

До машины он добежал, не помня как.

Сознание включилось рывками, словно кто-то дёргал рубильник. Вот он перемахивает через упавшие ворота лагеря, и острый край жести вспарывает рукав штормовки. Вот он летит вниз по склону балки, ломая сухой бурьян, и колючки впиваются в ладони, но боли нет — только адреналин, только гулкий, частый пульс в висках. Вот он уже у «Нивы», рвёт на себя ручку дверцы, падает на водительское сиденье, заводит двигатель трясущимися руками и выжимает газ, не глядя в зеркала.

«Нива» взревела и выпрыгнула из балки, как испуганный зверь. Сергей вёл машину по разбитому просёлку на пределе возможностей подвески. Ветки хлестали по лобовому стеклу. Пыль вставала стеной. Степь вокруг была пустой, выжженной, равнодушной — и именно это равнодушие сейчас казалось единственной реальностью. Мир, в котором нет горнов, играющих сами по себе, и мумий, указывающих пальцем в пол.

Через двадцать минут бешеной езды он вылетел на асфальтовую дорогу, ведущую к трассе Р-22. Остановился. За-

глушил мотор. Тишина, наступившая после рёва движка, была почти такой же оглушительной, как та — подземная. Сергей сидел неподвижно, вцепившись в руль, и смотрел перед собой. Пальцы всё ещё дрожали. Во рту стоял металлический привкус. Рёбра ныли тупой, ровной болью — после падения на лестнице там явно наливался синяк, а может, и трещина.

Он достал из бардачка фляжку с коньяком, свинтил крышку и сделал три больших глотка. Спиртное обожгло горло и провалилось в желудок горячим комком. Полегчало.

Теперь нужно было думать.

Сергей Волков не верил в мистику. Принципиально. Даже после того, что случилось в бойлерной, его мозг — тренированный, рациональный, привыкший раскладывать факты по полочкам — отказывался принимать произошедшее за чистую монету. Мумия? Галлюцинация. Удар головой при падении, сотрясение, плюс коньяк, выпитый с утра для храбрости. Горн? Акустическая аномалия. В старых зданиях часто возникают резонансные эффекты. Голос? Слуховая галлюцинация на фоне стресса. Символ на груди трупа? Да кто его знает, может, местная шпана баловалась ещё в девяностые.

Но холодная, липкая тяжесть в животе говорила об обратном. И он знал это. Знал, что видел, слышал и чувствовал. И главное — знал, что придётся вернуться.

Потому что где-то там, под лагерем «Заря», лежали не просто две с половиной тонны золота. Там лежала тайна,

способная перевернуть всё — его прошлое, его настоящее, его понимание самого себя. Мумия назвала его «седьмым» и сказала, что его ждали тридцать лет. Сергей был усыновлён в три года и не знал своих настоящих родителей. Совпадение? Возможно. Но слишком много совпадений для одного дня.

Он закурил, глубоко затягиваясь, и начал рассуждать методично.

Что он знает точно?

Первое. Лагерь «Заря» был не просто местом отдыха детей партноменклатуры. Это прикрытие. Бойлерная не соответствовала чертежам: она была больше минимум втрое, имела герметичную переборку и оборудована стационарным освещением с автономным питанием. Значит, под лагерем — техническое сооружение. Возможно, убежище. Возможно, лаборатория.

Второе. «Изделие А-7» существует. Мумия сказала: «Золото — это ты». Бред? Или метафора? Или — и от этой мысли у Сергея похолодели пальцы — «золото партии» вовсе не металл?

Третье. Он был в этом лагере раньше. В детстве. Смутные, ускользающие образы — запах карболки, звук горна, зелёный коридор — всё это всплывало из подсознания, как только он переступил порог административного корпуса. Он не помнил этого осознанно, но тело помнило. Тело боялось.

Четвёртое. Символ на груди мумии — серп и молот, образующие пентаграмму, — не был ни хулиганской выход-

кой, ни оккультным ритуалом в привычном смысле. Сергей, как историк, знал: советская символика часто использовалась в закрытых проектах как элемент управления сознанием. «Красная магия» — так это называли на Западе. Психотропное оружие, эксперименты с коллективным бессознательным. Профессор Мезенцев, чей архив он разбирал, специализировался именно на этом периоде — на стыке психиатрии, генетики и партийной идеологии.

Он докурил, выбросил окуроч в окно и завёл мотор.

Нужно было возвращаться в Михайловку, снять номер в гостинице, привести себя в порядок и пересмотреть подход. В одиночку, с налёту, эту крепость не взять. Нужен план. Нужна информация.

И нужен радиоприёмник. Потому что детские голоса в коридоре — были ли они галлюцинацией? Если нет, они должны где-то звучать.

Гостиница «Михайловская» представляла собой двухэтажное здание из силикатного кирпича, построенное ещё при Хрущёве и с тех пор не видевшее капитального ремонта. Сергей снял одноместный номер на втором этаже — койка, тумбочка, стол, стул и вид на пыльную автостанцию. Администраторша, пожилая женщина с химической завивкой и усталыми глазами, даже не спросила документы — только взяла деньги и выдала ключ с деревянной грушей. В городке явно не ждали гостей.

Сергей занёс в номер два баула со снаряжением, запер дверь, задёрнул шторы и разложил на столе всё, что имело отношение к делу.

Папка Мезенцева. Ксерокопии архивных документов. Топографическая карта района с пометками. Ноутбук. Портативная радиостанция Icom IC-R20 — старая, но надёжная, с возможностью записи эфира. И блокнот, куда он записывал всё, что удалось накопать за полгода поисков.

Он открыл ноутбук, подключил телефон в качестве модема и загрузил базу данных по закрытым объектам Минобороны и КГБ на территории Волгоградской области. Информации было мало. Лагерь «Заря» в списках не значился ни как военный объект, ни как гражданский. Последнее упоминание — в районной газете «Призыв» за август 1989 го-

да: короткая заметка о досрочном закрытии третьей смены «в связи с неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой». И всё. Дальше — тишина.

Словно лагерь вычеркнули из реальности.

Сергей откинулся на спинку стула и задумался. Эпидемия — удобное прикрытие. Под неё можно списать что угодно: эвакуацию, карантин, уничтожение следов. Но если эксперименты в подземной лаборатории вышли из-под контроля, почему объект не взорвали? Почему не забетонировали наглухо? Почему оставили мумию в бойлерной и символ на её груди?

Он потёр переносицу. Голова начинала болеть — тупая, давящая боль в висках, какая бывает при переутомлении. Нужно было поесть, но аппетита не было. Вместо этого он включил радиостанцию, выдвинул телескопическую антенну и начал сканировать эфир.

Михайловка — не такое уж глухое место. Должны быть местные FM-станции, переговоры таксистов, может, радиолюбители на коротких волнах. Но эфир был пуст. Только белый шум. Только треск помех.

Сергей крутил ручку настройки медленно, методично, проходя диапазон за диапазоном. Ничего. Словно весь район накрыло колпаком радиоэлектронной тишины.

Он уже собирался выключить приёмник, когда на частоте 4625 кГц динамик ожил.

Сначала — низкий, вибрирующий гул. Такой низкий, что

динамик захрипел, не справляясь с нагрузкой. Сергей уменьшил громкость. Гул не исчез — он ушёл в подложку, стал фоном, на который накладывались другие звуки. Щелчки. Шорохи. А потом — голос.

Женский. Монотонный, механический, лишённый интонаций. Так говорят автоответчики или голосовые помощники.

— Внимание. Объект «Заря». Протокол «Пионер». Сутки семьдесят третьи. Носитель номер семь не активирован. Повторяю. Носитель номер семь не активирован. Жду команды. Конец сообщения.

Пауза. Десять секунд тишины. И снова:

— Внимание. Объект «Заря». Протокол «Пионер». Сутки семьдесят третьи. Носитель номер семь не активирован...

Сергей слушал, не шевелясь. Пальцы, лежавшие на ручке настройки, заledenели. «Носитель номер семь». Мумия в бойлерной назвала его «седьмым». Теперь — эта запись. Или не запись? «Сутки семьдесят третьи» — если это прямое вещание, оно идёт циклично уже семьдесят три дня. Или семьдесят три года?

Он потянулся к блокноту, чтобы записать частоту и текст, но динамик снова ожил. На этот раз — без предупреждения. Женский голос исчез, и вместо него зазвучало пение.

Детский хор. Звонкие, чистые голоса — альты, дисканты. Они пели слаженно, профессионально, словно их тренировали месяцами. Мелодия была до боли знакомой. «Взвейтесь

кострами, синие ночи». Пионерский гимн. Но темп был медленным, почти похоронным. И слова...

Сергей прибавил громкость и наклонился ближе к динамику.

Дети пели песню задом наперёд. Звуки, слоги — всё было перевёрнуто, вывернуто наизнанку, но всё же узнаваемо. Это не была запись, проигранная в обратном направлении, — нет, дети именно пели слова наоборот, воспроизводя фонетическую инверсию с пугающей точностью. Их голоса образовывали не человеческую речь, а её зеркальное отражение, и в этом отражении проступали другие слова — осмысленные, чёткие, врезающиеся в мозг, как осколки стекла.

Он схватил ноутбук, открыл программу для захвата аудио и нажал «запись». Песня длилась около трёх минут. За это время Сергей не шелохнулся. Он слушал, записывал и ждал, что будет дальше.

Когда хор стих, наступила пауза. Потом — тот же низкий гул. И снова женский голос:

— Внимание. Объект «Заря». Протокол «Пионер». Сутки семьдесят третьи...

Он выключил приёмник.

В номере стало тихо. Только холодильник гудел под столом да муха билась в оконное стекло. Сергей сидел, глядя на застывшую дорожку звукозаписи на экране ноутбука. Три минуты двадцать секунд. Сейчас он сделает самое очевидное, что должен сделать человек с историческим образова-

нием и опытом технической работы с архивами: перевернёт запись и прослушает в обратном направлении.

Программа загрузила файл. Он выделил дорожку, выбрал «реверс» и нажал воспроизведение.

Детские голоса звучали нормально. Теперь это была обычная пионерская песня — «Взвейтесь кострами, синие ночи». Почти обычная. Почти. Потому что на второй минуте, в том месте, где в оригинале шёл куплет о «светлом пути», детские голоса дрогнули и перешли на шёпот. И этот шёпот, наложенный поверх мелодии, отчётливо, по слогам, произнёс:

— При-ве-ди седь-мо-го... Ос-во-бо-ди нас... При-ве-ди седь-мо-го... Раз-бу-ди спя-щих...

Сергей снял наушники и отложил их в сторону.

Теперь сомнений не оставалось. Лагерь «Заря» был не складом золота. Он был тюрьмой. Или инкубатором. Или и тем и другим одновременно. А он сам — Сергей Волков, сирота без прошлого, «чёрный копатель» со странной тягой к архивам и закрытым объектам — был частью этой истории. Возможно, с самого рождения.

Он подошёл к окну, отдернул штору и посмотрел на улицу. Сумерки сгущались. На автостанции зажглись жёлтые фонари. Где-то далеко, на окраине Михайловки, лаяла собака. Обычный вечер в обычном провинциальном городке. Но за тридцать километров отсюда, в мёртвом лагере, продолжали звучать горны и детские голоса, и бетон под бойлерной

дышал, как живое существо.

Он должен вернуться.

Но прежде нужно узнать больше. Нужно найти людей, которые помнят лагерь до закрытия. Бывших сотрудников. Местных жителей. Кого-то, кто сможет рассказать, чем на самом деле была «Заря» — не по документам, а по воспоминаниям.

Сергей вернулся к столу, открыл блокнот на чистой странице и начал составлять список.

Архив районной больницы — данные о «санитарно-эпидемиологической обстановке» 1989 года.

Старожилы — опрос жителей Михайловки и окрестных хуторов, работавших в лагере.

Частота 4625 кГц — отслеживать регулярно, записывать, анализировать.

Символ «серп и молот — пентаграмма» — проверить по базам оккультной и психотропной символики спецслужб.

Фамилия Прибытков — майор госбезопасности, подписавший акт перемещения «изделия А-7». Найти информацию. Если повезёт — родственников.

Он дописал последний пункт и замер, глядя на фамилию. Прибытков. Что-то в этом имени отзывалось внутри — не воспоминанием, а смутным, ускользающим эхом. Так бывает, когда слышишь слово из далёкого детства и не можешь вспомнить его значение, но уже знаешь, что оно — важное.

В дверь постучали.

Сергей вздрогнул, захлопнул блокнот и сунул его под подушку. Рука автоматически потянулась к «Вепрю», стоявшему у изголовья.

— Кто?

— Администратор, — раздался женский голос из коридора. — Вам тут записку передали.

Он подошёл к двери, не снимая цепочки, и приоткрыл створку. В щели показалось лицо администраторши — бледное, с тёмными кругами под глазами, словно она не спала несколько суток.

— Кто передал? — спросил Сергей.

— Мальчишка какой-то. Только что забегал. Сказал, для постояльца из четвёртого номера.

Она просунула в щель сложенный вчетверо тетрадный листок в клетку. Сергей взял его, кивнул и закрыл дверь. Развернул.

Записка была написана корявым детским почерком. Буквы прыгали, строчки заваливались вниз, но текст был разборчив. Всего три слова:

«Возвращайся скорее. Мы замёрзли».

И ниже — рисунок. Детский, неумелый, выполненный простым карандашом. Пионерский горн. И семь маленьких фигурок вокруг него. Шесть были заштрихованы чёрным, словно зачёркнуты. Седьмая — та, что стояла чуть поодаль, — была оставлена белой. И от неё к горну вела пунктирная линия.

Сергей перевернул листок. На обратной стороне тем же корявым почерком был написан ряд цифр:

4625

Он смял записку в кулаке, бросил на стол и выругался. Теперь за ним следили не только из эфира. Теперь за ним приходили.

Утро началось рано. Солнце едва поднялось над степью, а Сергей уже сидел в районной библиотеке — пыльном здании с облупившейся лепниной и запахом старых газет. Библиотекарша, сухонькая старушка в вязаной шали, долго не могла понять, чего от неё хотят, но после упоминания профессора Мезенцева сменила тон и охотно провела посетителя в хранилище периодики.

Архив районной газеты «Призыв» занимал три стеллажа — подшивки за все годы, начиная с 1962-го. Сергей попросил подшивку за 1989-й и углубился в чтение.

Первые упоминания лагеря «Заря» шли в мае — стандартные заметки о подготовке к летнему сезону. «Пионерский лагерь "Заря" готовится принять юных ленинцев». «В лагере завершён ремонт спальных корпусов». «В столовую завезены продукты по усиленной норме». В июне и июле — репортажи с мест: счастливые дети, парадные линейки, почётные гости из обкома. Фотографии. На одной из них Сергей заметил странную деталь: у всех детей, выстроившихся на линейку, были одинаковые причёски. Мальчики стрижены под ноль, девочки — с косичками, уложенными строго одинаково. И лица. У них были очень похожие лица. Не как у братьев и сестёр — как у клонов.

Он отложил эту мысль и продолжил читать.

Август. Заметка от 12 числа: «В пионерском лагере "Заря" зафиксирована вспышка неустановленного инфекционного заболевания. Принято решение о досрочном закрытии третьей смены. Дети эвакуированы в областную инфекционную больницу. Персонал проходит карантинное обследование».

Следующий номер газеты — от 19 августа — о лагере не упоминал вообще. Как и все последующие. Тема исчезла без следа. Никаких репортажей о расследовании причин вспышки. Никаких интервью с врачами. Никаких соболезнований родителям — а ведь среди «заболевших» наверняка были жертвы.

Сергей поднял глаза на библиотекарьшу.

— Простите, а вы не помните лагерь «Заря»? До того, как его закрыли?

Старушка поправила шаль и поджала губы.

— Помню. Хороший был лагерь. Туда простых детей не брали. Только по разнарядке. Говорили, для элиты.

— Вы кого-нибудь знаете, кто там работал?

— Из местных? — она задумалась. — Иван Степанович Чумаков. Он там завхозом был. Только он теперь... — она замаялась, — не в себе немного. Ветеран труда, а живёт бо-былём, никого к себе не пускает. Если хотите поговорить, адрес дам. Но ничего хорошего вы от него не услышите. Он про лагерь вообще молчит. А если спросят — крестится.

Сергей записал адрес. Улица Чапаева, дом 17. Частный сектор на окраине города.

— Ещё кто-нибудь?

— Ну... — старушка понизила голос. — Был тут один. Женька Кораблёв. Молодой парень, водителем работал — детей возил. Так он сразу после закрытия лагеря пропал. Уехал куда-то и не вернулся. Милиция искала, но без толку.

— А родственники?

— Мать у него была. Умерла уж десять лет как. А больше никого.

Сергей поблагодарил библиотекаршу, сделал несколько снимков из подшивки на телефон и вышел на улицу. Утренняя жара уже начинала набирать силу. Асфальт плавился. Пыльные тополя вдоль улицы стояли неподвижно — ни ветерка.

Дом Чумакова он нашёл быстро. Покосившаяся калитка, заросший палисадник, ставни наглухо закрыты. На стук долго не отвечали. Потом за дверью раздались шаркающие шаги, и старческий голос спросил:

— Кого там черти принесли?

— Иван Степанович, здравствуйте. Меня зовут Сергей. Я историк, изучаю историю пионерских лагерей области. Можно с вами поговорить?

Долгая пауза. Потом дверь приоткрылась — на ширину цепочки, совсем как вчера в гостинице. В щели показалось лицо. Старое, изрезанное морщинами, с красными, слезящимися глазами. От старика пахло табаком и чем-то кислым.

— Историк, говоришь? — он сплюнул на пол. — А я тебя

знаю. Ты вчера в лагерь ходил.

У Сергея внутри всё оборвалось.

— Откуда вы знаете?

— А мне сорока на хвосте принесла, — старик криво усмехнулся беззубым ртом. — Ладно, заходи. Раз уж живой вышел — значит, имеешь право знать.

Он снял цепочку и отступил вглубь дома.

Внутри было темно и душно. Пахло пылью, лекарствами и старым деревом. Комнаты были заставлены коробками и газетами. На стенах — иконы, перемежающиеся с выцветшими фотографиями. Чумаков провёл гостя на кухню, усадил за стол и налил две кружки чая — крепкого, почти чёрного, пахнущего травами.

— Спрашивай, — сказал он. — Только быстро. Я долго говорить не могу.

Сергей достал из планшета копию акта о перемещении «изделия А-7» и показал старику.

— Что это? Вы знаете, что сюда завезли в восемьдесят девятом?

Чумаков бросил взгляд на бумагу и отшатнулся, как от удара.

— Убери, — прошептал он. — Убери сейчас же.

— Вы знаете, что это?

— Знаю, — старик задрожал. — Это смерть. Это проклятие. Это то, из-за чего лагерь закрыли. Только это не золото, парень. Не золото. Это...

Он осёкся и замолчал, уставившись в угол кухни. Сергей проследил за его взглядом. В углу висела маленькая иконка Богородицы, а под ней — пучок сухой полыни, перевязанный красной ниткой.

— Это что? — спросил Сергей, кивая на пучок.

— Защита, — ответил Чумаков. — Оттуда. Из-под земли. Там, в лагере, не дети были. Там... — он осёкся, словно боялся произнести слово. — Там «изделия» были. Они их так называли. «Изделия». Живые. Их в Волгоград привозили, из роддома. Или отбирали у матерей, которые отказывались. Говорили, что это дети партийных работников. А это были сироты. Подопытные.

— Для чего? Какие эксперименты?

— Сверхлюдей они делали, — старик говорил всё тише, почти шёпотом. — Новых советских людей. Которые не болеют. Которые управлять могут. Мыслью. На расстоянии. Я сам видел. Девчонка, лет десять, усилием воли стакан сдвинула. Без рук. А потом у неё глаза стали... как у рыбы. И она перестала дышать воздухом. Её в воду посадили — она плавает и поёт. Понимаешь? Поёт под водой!

Сергей слушал, не перебивая. В висках стучало.

— Откуда это взялось? Способности?

— Не знаю, — Чумаков покачал головой. — Говорили, что под лагерем что-то нашли. Когда котлован под фундамент рыли. Какую-то древнюю штуку. Не могилу — другое. Живое. Оно спало. А они разбудили. И начали с ним рабо-

тать.

— Кто «они»?

— Учёные. Военные. Из КГБ люди. Целый институт. Профессор главный был — Рябинин. Аркадий Ильич. Жёсткий мужик. Детей не жалел. Говорил: они — будущее коммунизма. Материал для строительства нового человека. А когда всё рухнуло, в восемьдесят девятом, Рябинин приказал лабораторию законсервировать. Вместе с детьми. Всех, кто там был, заперли внизу. И «изделие» это привезли — чтобы питало систему. Они до сих пор там. Ждут.

— Ждут чего?

— Ждут седьмого. Ключ. Активатор. Того, кто откроет дверь.

Старик замолчал и уставился на Сергея слезящимися глазами.

— Ты седьмой, парень. Я тебя узнал. Ты тогда совсем маленький был. Три года. Тебя из лаборатории вынесли, когда эвакуация началась. Сказали — бракованный. Память стёрли. Но ты выжил. А они внизу остались. Шестеро. Лучшие. Самые сильные. Они тебя зовут. Ты слышишь?

Сергей молчал. Перед глазами стояла записка. Детский почерк. Шесть зачёркнутых фигурок. Седьмая — белая.

— Как их освободить? — спросил он наконец.

— Не знаю, — Чумаков опустил голову. — И никто не знает. Рябинин, наверное. Но он мёртв.

— Откуда вы знаете, что мёртв?

— Потому что я сам его гроб заколачивал, — старик поднял глаза, и в них блеснул страх. — Только он не умер. Он и тогда уже не был человеком. Его в ящик положили — а он дышит. Сердца нет, а дышит. Его в землю закопали, на городском кладбище. Могила до сих пор там. Только по ночам из неё свет идёт, зелёный. И цветы вокруг не растут.

Сергей встал. Разговор зашёл дальше, чем он ожидал. Нужно было переварить услышанное.

— Спасибо, Иван Степанович. Я пойду.

— погоди, — старик схватил его за рукав. — Ты туда вернёшься?

— Вернусь.

— Тогда возьми это.

Он порылся в кармане засаленного пиджака и достал маленький металлический предмет. Ключ. Не обычный — плоский, с магнитной полосой и выгравированным номером «7».

— Это от лифта. В бойлерной. Он ведёт на нижние уровни. Без ключа ты туда не спустишься. А с ключом — может, и выберешься. Молись только, чтобы двери за тобой не закрылись.

Сергей взял ключ и сжал в кулаке. Металл был холодным — неестественно холодным, словно его только что достали из морозильной камеры. Он кивнул старику и вышел на улицу, где солнце уже палило нещадно, а воздух дрожал над раскалённым асфальтом.

Он не верил в проклятия, призраков и светящиеся могилы. Но ключ жёг ладонь холодом, а в голове продолжали звучать детские голоса, поющие пионерский гимн задом наперёд.

В гостиницу он вернулся к полудню. Запер дверь, положил ключ от лифта на стол и долго смотрел на него. Потом включил ноутбук и загрузил базу данных захоронений по Волгоградской области.

Аркадий Ильич Рябинин. 1923 года рождения. Захоронен в августе 1989 года на Михайловском городском кладбище. Участок 14, могила 37.

Сергей сделал пометку в блокноте. Потом открыл программу захвата аудио и прослушал вчерашнюю запись детского хора — уже без реверса, в оригинале. На этот раз он обратил внимание на звуковой фон. Там, за голосами, был ещё один слой. Очень низкий, почти на границе слышимости. Инфразвук. Тот самый, от которого в бойлерной у него завибрировали рёбра.

Он выделил этот диапазон, отфильтровал голоса и усилил сигнал. Низкий гул превратился в ритмичный, пульсирующий звук. Он напоминал сердцебиение. Медленное, глубокое, нечеловеческое. Сердце, которое бьётся где-то глубоко под землёй.

И в этом сердцебиении, если прислушаться, можно было различить слово. Одно-единственное. Оно повтор

Глава 3. Первый шурф

1

Кладбище встретило его тишиной и зноем.

Михайловский погост располагался на пологом холме к югу от города — несколько гектаров выжженной земли, усеянной покосившимися крестами, ржавыми пирамидками и пластмассовыми венками, выцветшими до грязно-белого цвета. Старые карагачи, посаженные ещё в довоенные времена, стояли вдоль центральной аллеи, как немые стражи, и не давали тени — их кроны давно высохли, превратившись в корявые, скрюченные пальцы, тянущиеся к небу.

Сергей вышел из машины и огляделся. Кроме него, на кладбище не было ни души. Только ворона сидела на покосившемся обелиске, склонив голову набок и разглядывая прищельца чёрным блестящим глазом.

Участок четырнадцать. Могила тридцать семь.

Он шёл по аллее, сверяясь с планом, который набросал в блокноте по спутниковому снимку. Участки здесь были старые, многие заброшенные. Могила проваливались, памятники кренились. На некоторых фотографиях — выцветшие лица людей, умерших задолго до его рождения. От всего веяло безнадёжностью и запустением, тем особым тленом рус-

ской провинции, который не спутать ни с чем.

Нужный участок обнаружился в дальнем конце кладбища, у самой ограды. Здесь было ещё тише, если такое возможно. Сергей остановился перед могилой и почувствовал, как по спине, несмотря на жару, пробежал холодок.

Могила номер тридцать семь выглядела иначе, чем соседние.

Во-первых, она не просела. В то время как вокруг земля осела, образуя характерные впадины над истлевшими гробами, здесь поверхность оставалась идеально ровной, словно кто-то регулярно подсыпал грунт. Во-вторых, на могиле не росло ни травинки — голая, спекшаяся земля, покрытая сетью мелких трещин. В-третьих, памятник. Не стандартная стела и не крест, а гранитный куб с полированными гранями, на котором не было ни имени, ни дат. Только выгравированный символ — серп и молот, перекрещённые так, что образовывали пентаграмму.

Точно такой же, как на груди мумии в бойлерной.

Сергей присел на корточки у изголовья могилы и достал из рюкзака портативный металлоискатель — «Гарретт», старенький, но чувствительный. Повёл катушкой над поверхностью. Прибор запищал сразу, агрессивно, на пределе шкалы. Под землёй был металл. Много металла. Но сигнал шёл не от гроба — он расходился во все стороны, словно под могилой находился массивный металлический ящик или контейнер.

Он убрал металлоискатель и достал термометр с вынос-

ным щупом. Воткнул щуп в трещину в земле. Через минуту взглянул на показания. Восемь градусов Цельсия. На глубине полуметра, в августе, под палящим солнцем — восемь градусов. Словно там, внизу, работал холодильник.

Сергей вытер пот со лба и сел на корточки, глядя на гранитный куб. Чумаков сказал, что по ночам из могилы идёт зелёный свет. Он сказал, что Рябинин не умер — просто перестал быть человеком. Теперь, глядя на эту аномальную могилу, Сергей почти готов был поверить.

Он достал фотоаппарат и сделал несколько снимков — могила, символ, общий план участка. Потом извлёк из рюкзака небольшой геологический молоток и осторожно постукивал по гранитному кубу. Звук был глухой, как от пустоты. Памятник был полым.

Сергей колебался недолго. Если Рябинин жив — в том или ином смысле, — его нужно найти и допросить. Если мёртв — нужно убедиться окончательно. Истина лежит здесь, под этим кубом, в двух метрах под землёй.

Он осмотрелся. Кладбище было пустым. Ворона на обелиске по-прежнему наблюдала за ним, склонив голову. Солнце стояло в зените. Времени до вечера — часа три-четыре.

Он вернулся к «Ниве», открыл багажник и достал сапёрную лопатку, ломик и прочный брезентовый тент. Работа предстояла грязная, но не впервой. За годы копательства Сергей повидал всякое — и склепы, и заброшенные дзоты, и

братские могилы. Кладбищенская земля пугала его меньше, чем подземелья лагеря.

Он вернулся к могиле, расстелил тент и начал копать.

Земля поддавалась неожиданно легко — слишком легко для грунта, который тридцать лет никто не тревожил. Лопата входила, как в песок, и с каждым снятым слоем температура падала. На глубине метра из ямы потянуло холодом, как из погреба. На глубине полутора метров лопата звякнула о металл.

Сергей остановился, отдышался и расширил яму, чтобы осмотреть находку. Под слоем земли обнаружилась металлическая плита — не ржавая, а покрытая тусклым серебристым налётом, похожая на алюминий или титан. Плита была гладкой, без швов и креплений. На её поверхности, прямо по центру, темнел тот же символ — серп и молот, образующие пентаграмму.

Он провёл ладонью по металлу. Ледяной. Восемь градусов, не больше. И вибрация — слабая, ритмичная, едва ощутимая. Такая же, какую он слышал на аудиозаписи. Сердцебиение.

Сергей выбрался из ямы и сел на край, свесив ноги. Итак, могила — не могила. Это вход. Или вентиляционная шахта. Или саркофаг. Что бы ни находилось под плитой, оно функционировало. Оно жило.

В кармане завибрировал телефон. Он достал его машинально — и замер. Номер был не определён. Не «скрыт»,

а именно не определён — на экране светилась пустая строка. Такого не могло быть технически. Телефон завибрировал снова, и на этот раз на экране появился текст. Не входящее сообщение — текст прямо поверх рабочего стола, словно открытый в текстовом редакторе:

«Не вскрывай».

Сергей уставился на экран. Буквы были красными, набранными шрифтом, похожим на старую пишущую машинку.

Телефон завибрировал в третий раз. Новое сообщение, под предыдущим:

«Ты ещё можешь уйти. Если спустишься — пути назад не будет. Ты станешь сосудом. Ты станешь частью нас».

Он вскочил на ноги и огляделся. Кладбище было пустым. Только ворона. Только ветер, поднявший пыль на центральной аллее. Кто-то следил за ним. Кто-то, имеющий доступ к его телефону, к его перемещениям. Или — что было более пугающим — кто-то, способный транслировать мысли напрямую в электронные устройства.

Он вспомнил записку, переданную через администраторшу. Детский почерк. «Возвращайся скорее. Мы замёрзли». Теперь — это. Предупреждение? Или угроза?

Сергей посмотрел на раскопанную могилу, на металлическую плиту с символом, на ломик, лежащий рядом. Потом перевёл взгляд на телефон. Текст всё ещё светился на экране.

Он набрал ответ — хотя и понимал, что это бессмыслен-

но, что сообщение пришло не с номера, а из ниоткуда:

«Кто вы?»

Минута. Две. Экран погас. Сергей уже решил, что ответа не будет, когда телефон завибрировал снова. На этот раз — голосовое сообщение. Он нажал воспроизведение и поднёс динамик к уху.

Сначала — тишина. Потом — дыхание. Медленное, влажное, клокочущее. Точно такое же, как в бойлерной. А затем — голос. Детский. Девочка. Она говорила медленно, с трудом, словно каждое слово давалось ей с усилием:

— Мы — те, кто не вырос. Мы — те, кто остался внизу. Мы замёрзли, седьмой. Мы ждали тебя тридцать лет. Но если ты откроешь плиту сейчас — ты умрёшь. Ты не готов. Ты слаб. Приходи в лагерь. Спустись к нам. Мы сделаем тебя сильным.

Сообщение оборвалось. Сергей опустил телефон и устался на яму.

«Мы сделаем тебя сильным». Обещание? Или приманка?

Он понимал, что поступает опрометчиво. Что нужно остановиться, вернуться в город, всё обдумать. Но что-то внутри — не любопытство, не азарт, а глубинная, почти физиологическая потребность — толкало его вперёд. Словно невидимая нить тянулась от его солнечного сплетения к этому месту. Словно он и правда был «седьмым», и всё, что происходило, было predetermined задолго до его рождения.

Он спрыгнул в яму, поднял ломик и вставил его в щель

между плитой и грунтом. Надавил. Плита не шелохнулась. Он налёг всем весом — бесполезно.

Тогда он достал из рюкзака монтировку, закрепил её как рычаг и надавил снова. На этот раз плита дрогнула, и из-под неё вырвалась струя ледяного воздуха, такого холодного, что на металле мгновенно выступил иней. Запахло карболкой. Формалином. И ещё чем-то — сладковатым, приторным, как гниющие яблоки.

Сергей закашлялся и отшатнулся, прикрывая лицо рукавом. Когда воздух рассеялся, он посмотрел вниз.

Под плитой был колодец. Узкая вертикальная шахта, уходящая в темноту. Стены облицованы тем же серебристым металлом. Из глубины шёл свет — слабый, зеленоватый, пульсирующий в такт сердцебиению. И там, на дне, что-то двигалось. Медленно. Плавно. Как щупальца актинии, колышущиеся в толще воды.

Сергей включил фонарь и направил луч вниз. Свет выхватил из темноты металлические скобы, уходящие в глубину. Лестница. Кто-то предусмотрел возможность спуска.

Он закрепил страховочный трос за ближайший памятник, обвязался, проверил карабин и начал спускаться.

Скобы были холодными и скользкими от конденсата. С каждым метром температура падала. Пар изо рта становился гуще. Зеленоватое свечение усиливалось. Запах карболки смешивался теперь с чем-то ещё — запахом озона, какой бывает после грозы.

На глубине десяти метров нога нащупала дно. Он стоял в круглой камере диаметром около трёх метров. Стены были покрыты инеем. В центре камеры, на металлическом постаменте, стоял саркофаг. Не гроб — именно саркофаг, vyplненный из прозрачного материала, похожего на толстое стекло или лёд.

Внутри кто-то лежал.

Сергей подошёл ближе, поднял фонарь и заглянул внутрь.

На мгновение его сердце остановилось.

В саркофаге, опутанный трубками и проводами, лежал человек. Точнее, то, что когда-то было человеком. Тело сохранилось, но изменилось. Кожа стала полупрозрачной, и сквозь неё просвечивали органы — не человеческие, а какие-то другие, иной геометрии, иного цвета. Сердце было не одно — их было три, и бились они поочерёдно, гоняя по трубкам зеленоватую жидкость вместо крови. Лицо — вытянутое, с запавшими глазами и ртом, превратившимся в круглое отверстие без губ. На лбу темнел всё тот же символ — пентаграмма из серпа и молота, выжженная прямо в кости.

Профессор Аркадий Ильич Рябинин. Он не умер. Он мутировал.

И он смотрел на Сергея.

Глаза — мутные, бельмастые, без зрачков — были открыты и направлены точно на гостя. Губы-отверстие дрогнули, и из них вырвался слабый, сипящий звук — не голос, а скорее вибрация воздуха, модулированная в подобие речи:

— Ты пришёл... седьмой... я ждал...

Сергей отступил на шаг, нашаривая рукоять «Вепря». Но Рябинин — или то, чем он стал, — не двигался. Только говорил, и каждое слово отдавалось в голове Сергея эхом, словно транслировалось не через воздух, а напрямую в мозг.

— Не бойся... я не причиню вреда... я хочу помочь... Ты хочешь знать правду... Я расскажу... Но сначала... освободи меня...

— Освободить? — голос Сергея дрогнул. — Зачем?

— Потому что я — ключ... Без меня ты не спустишься на нижние уровни... Дети ждут... Они замёрзли... Ты слышал их...

Сергей колебался. Всё его существо кричало: беги. Но другая часть — та, что слышала детские голоса в эфире и держала в руках записку с шестью зачёркнутыми фигурками, — требовала остаться.

— Как тебя освободить?

— Символ... на плите... коснись его... кровью...

— Чьей кровью?

— Твоей.

Сергей посмотрел на свою ладонь, потом на саркофаг. Прозрачная крышка была покрыта инеем, но сквозь него просвечивал символ, выгравированный изнутри.

— Ты хочешь, чтобы я порезался и коснулся символа?

— Да... Это замок... Биометрический... Настроен на твою ДНК... Ты седьмой... Только ты можешь открыть...

Сергей вспомнил слова Чумакова: «Молись только, чтобы двери за тобой не закрылись». Вход в подземелье лагеря тоже открывался его ключом. Слишком много замков, настроенных на него одного. Слишком много совпадений.

— А если я откажусь?

— Тогда они умрут... Дети... Шестеро... Они ждали тридцать лет... Их жизнеобеспечение на исходе... Если ты не откроешь лабораторию в ближайшие трое суток... система отключится... И они замёрзнут навсегда...

Трое суток. Семьдесят два часа. «Сутки семьдесят трети» — так говорил механический голос в эфире. Значит, отсчёт уже идёт.

Сергей достал нож, щёлкнул лезвием и, не давая себе времени на раздумья, полоснул по ладони. Кровь выступила сразу — алая, горячая, парящая на ледяном воздухе. Он прижал ладонь к символу на саркофаге.

Металл под пальцами завибрировал. Символ засветился — сначала тускло, потом ярче, наливаясь оранжевым, как расплавленное золото. Крышка саркофага дрогнула и начала медленно отъезжать в сторону.

Изнутри пахло озоном и карболкой. Рябинин зашевелился. Его тело, опутанное трубками, начало подниматься — рывками, неестественно, словно марионетка, которую дёргают за нитки. Трубки натянулись и лопнули, разбрызгивая зеленую жидкость.

Он встал во весь рост. Высокий — почти два метра. Ху-

дой, как скелет, обтянутый полупрозрачной кожей. Три сердца бились в его груди, пульсируя в такт инфразвуку. Он посмотрел на Сергея сверху вниз и улыбнулся — если это можно было назвать улыбкой: круглое отверстие рта растянулось, обнажая дёсны без зубов.

— Спасибо... седьмой... Теперь... идём...

— Куда?

— В лагерь... Ты должен спуститься... Дети ждут... А я... я покажу тебе дорогу...

Они вышли с кладбища, когда солнце уже клонилось к закату.

Рябинин двигался странно — не шёл, а словно перетекал с места на место, и его фигура в длинном, истлевшем лабораторном халате казалась тенью, отбрасываемой несуществующим предметом. Он не оставлял следов на пыльной земле. Трава под его ногами не приминалась. Он был здесь и одновременно где-то ещё — возможно, всё ещё в саркофаге, возможно, в десятке других мест одновременно.

Сергей шёл позади, держа руку на «Ведре». Он не доверял этому существу ни на грош. Но информация, которой оно обладало, стоила риска.

— Расскажи мне, — сказал он, когда они вышли на просёлочную дорогу. — Что такое проект «Атлант»?

Рябинин замедлил шаг. Его голос — теперь уже более отчётливый, почти человеческий — зазвучал в голове у Сергея, как радиопередача, настроенная точно на его мозг.

— «Атлант» — это будущее, которое не случилось. В 1973 году глубокое бурение в районе лагеря «Заря» вскрыло подземную полость. Не карстовую пещеру — другое. Идеальную сферу диаметром тридцать метров, заполненную органической массой. Эта масса была жива. Она спала. Позднейший анализ показал: её возраст — сто сорок миллионов лет.

Она пережила динозавров, ледниковый период, всё. Она была здесь до всего.

— Что это?

— Мы называли её «Скиф». Или «Скифская плоть». Она обладала уникальными свойствами. Могла менять структуру ДНК. Могла вступать в симбиоз с любым организмом. Могла создавать коллективный разум — единую нейросеть, объединяющую множество носителей. Когда партийное руководство узнало об этом, решение было принято мгновенно. Стране нужен был новый человек. Солдат, который не боится радиации. Рабочий, которому не нужен сон. Управленец, способный просчитывать варианты будущего. Идеальный строитель коммунизма.

— И вы использовали детей.

— Мы использовали лучший генетический материал, — Рябинин говорил без эмоций, сухо, как лектор на кафедре. — Дети обладают пластичной ДНК. Их организмы легче принимают изменения. Мы отбирали сирот, детей из неблагополучных семей, тех, чьё исчезновение не вызовет вопросов. Внедряли им фрагменты «Скифа». Наблюдали за мутациями.

— Сколько детей прошло через лабораторию?

— Двести тридцать четыре. До финальной стадии дошли шестеро. Ты был седьмым. Но тебя отбраковали.

— Почему?

— Потому что ты не принял «Скифа». Твой организм от-

верг симбионта. Это случалось редко, но случалось. Обычно мы утилизировали такие образцы. Но майор Прибытков, твой отец, настоял на сохранении. Он вынес тебя из лаборатории во время эвакуации и стёр память. Ты должен был жить обычной жизнью. Но «Скиф» не забыл тебя. Он помнит всех своих детей. И он зовёт тебя обратно.

Сергей остановился. Майор Прибытков. Отец. Не просто вымышленная фамилия из архивной описи — его настоящий отец. Человек, подписавший акт о перемещении «изделия А-7». Человек, который спас его из лаборатории и дал шанс на нормальную жизнь.

— Где он сейчас? Мой отец?

— Мёртв, — ответил Рябинин. — Погиб через год после эвакуации. Автокатастрофа. Но ты должен знать: он не был случайной жертвой. Его убрали. Те, кто хотел навсегда похоронить проект «Атлант». Те, кто до сих пор следит за лагерем и ждёт, когда «Скиф» умрёт окончательно. Но «Скиф» не умрёт. Он бессмертен. А ты — его последний шанс на пробуждение.

Сергей посмотрел на свои руки. Та самая ладонь, которой он коснулся символа, зажила неестественно быстро. Порез затянулся, оставив тонкий серебристый шрам. И в этом шраме, если присмотреться, пульсировала золотистая жидкость — та самая, что текла по трубкам саркофага.

— Я уже заражён? — спросил он тихо.

— Ты был заражён с рождения, — ответил Рябинин. —

Просто сейчас это начинает проявляться. Ты слышишь их — детей из подземелья. Ты видишь знаки. Ты чувствуешь «Скифа». Чем ближе ты к лагерю, тем сильнее будет связь. И скоро ты не сможешь сопротивляться.

— А если я не хочу?

— Тогда ты умрёшь. Связь с «Скифом» — не благословение и не проклятие. Это симбиоз. Либо ты принимаешь его, либо он убивает тебя. Третьего не дано.

Они вышли на гребень холма. Впереди, в сгущающихся сумерках, темнели корпуса пионерского лагеря «Заря». На этот раз Сергей смотрел на них по-другому. Не как на цель. Не как на объект поиска. Как на дом. Как на место, где он родился — не в биологическом смысле, а в другом, более глубоком. Место, где его создали.

И лагерь смотрел на него в ответ. Из разбитых окон тянуло холодом. В тишине, нарушаемой только стрекотом цикад, слышался едва различимый звук — нота «ля», пульсирующая, зовущая, ждущая.

— Они знают, что ты здесь, — произнёс Рябинин. — Они ждут тебя внизу. Спускайся, седьмой. И помни: когда ты войдёшь в «Скифа», ты перестанешь быть собой. Ты станешь всеми. И все станут тобой.

Он замолчал, и его фигура начала таять в сумерках — не уходить, а именно растворяться, как мираж, как утренний туман над степью.

— Где ты будешь? — спросил Сергей.

— Я всегда рядом, — ответил голос в голове. — Я — часть «Скифа». Я — его голос. Я буду говорить с тобой, пока ты не войдёшь в Чашу. А потом — ты сам станешь голосом. И тогда мы поговорим иначе.

Сумерки сгустились. Сергей остался на холме один. Впереди темнел лагерь. В кармане лежал магнитный ключ от лифта. В крови пульсировал золотистый симбионт.

Он проверил снаряжение, перехватил «Вепрь» и начал спускаться к воротам.

Вторая попытка.

На этот раз — с открытыми глазами.

Глава 4. Костяной горизонт

1

Второй раз он входил в лагерь иначе.

Не было торопливого возбуждения, не было жадного предвкушения добычи. Только холодная, расчётливая сосредоточенность — та, что приходит перед боем или перед операцией на открытом сердце. Сергей миновал ворота, не глядя на гипсового горниста, пересёк заросшую аллею и направился напрямик к административному корпусу. Время поджимало.

Рябинин сказал: трое суток. Семьдесят два часа. Сейчас, когда солнце уже село и степь погрузилась в густые августовские сумерки, этот срок казался нереально коротким. Чтобы спуститься на шесть уровней, найти детей, разобраться с симбиотом в собственной крови — и, возможно, остаться в живых, — ему понадобится каждая минута.

Он включил налобный фонарь на полную мощность и вошёл в административный корпус через ту же дверь, что и в первый раз. Она была открыта — та самая тяжёлая переборка, которая в прошлый раз захлопнулась за его спиной. Теперь она стояла нараспашку, словно приглашая войти. Это не было добрым знаком. Место ждало его. Место готовилось.

В коридоре ничего не изменилось. Те же оплывшие стулья, те же лопнувшие плафоны, тот же запах карболки и гниющих яблок. Но теперь Сергей смотрел на это иначе. Он замечал детали, которые упустил в прошлый раз. Например, царапины на стенах — не хаотичные, а ритмичные, складывающиеся в узор. Спирали. Они шли по всей длине коридора, уходили под потолок, оплетали дверные проёмы. Как будто кто-то прочертил их ногтями — или не ногтями. Когтями?

На полу, в том месте, где раньше лежал горн, теперь ничего не было. Только тёмное пятно на линолеуме — влажное, липкое на вид. Сергей обошёл его стороной и направился к лестнице в бойлерную.

Лестница встретила его тишиной. Лампы под потолком не горели — ни зелёным, ни красным, никаким. Только фонарь выхватывал из темноты истёртые ступени и следы его собственного падения: сломанная ступенька, сбитый кусок штукатурки, тёмные капли на бетоне. Его кровь. Он и не заметил, как порезался.

Он спустился вниз и остановился перед стальной переборкой, которая в прошлый раз отрезала его от выхода. Теперь на ней был виден символ — серп и молот, образующие пентаграмму, — выжженный прямо в металле. И под ним, едва заметная, магнитная прорезь. Замок.

Сергей достал ключ, полученный от Чумакова, и вставил в прорезь. Ключ вошёл идеально, словно его ждали. Магнит-

ный замок щёлкнул, переборка дрогнула и начала медленно, бесшумно отъезжать в сторону. За ней открылся короткий коридор, ведущий в бойлерную — ту самую, где он видел мумию.

Мумии на месте не было.

Постамент пустовал. Только остатки истлевшей резины и желтоватая жидкость, растёкшаяся по бетону, свидетельствовали о том, что здесь когда-то лежало тело. Сергей подошёл ближе и осмотрел пятно. Жидкость была тёплой. Мумия ушла недавно — возможно, сразу после того, как он покинул лагерь в прошлый раз. Или сразу после того, как он открыл саркофаг Рябинина на кладбище. Эти два события были связаны — теперь он знал это точно.

Он обошёл бойлерную по периметру. Три чугунных котла стояли на прежних местах, но их дверцы были открыты. Внутри, в топках, чернела не зола — что-то другое. Сергей посветил фонарём. В топке лежали кости. Не дрова, не уголь — человеческие кости, мелко раздробленные, спрессованные в брикеты. На некоторых сохранились следы надпилов — аккуратных, хирургических.

Он отшатнулся и захлопнул дверцу. Этого он не ожидал. Крематорий? Здесь? В бойлерной пионерского лагеря? Или что-то ещё, более прагматичное: утилизация биоматериала. «Образцы», не прошедшие отбор. Дети, не принявшие «Скифа».

Те двести тридцать четыре, о которых упоминал Рябинин.

Сергей заставил себя оторвать взгляд от котлов и продолжить поиск. Где-то здесь должен быть вход в шахту лифта — тот самый, который Чумаков назвал «костяным горизонтом». Он осматривал стены, пол, потолок — ничего. Бойлерная выглядела тупиком.

И тогда он заметил пульт.

Тот самый, с циферблатами, которые дрожали в прошлый раз. Сейчас стрелки были неподвижны. Все, кроме одной — маленького манометра в нижнем ряду, подписанного от руки: «Уровень 1 — Давление в стволе». Стрелка стояла на нуле, но когда Сергей приблизился, она дрогнула и поползла вверх.

Он осмотрел пульт. Под манометром была кнопка. Тяжёлая, металлическая, покрытая резиновым колпачком — как в старых лифтах. Он нажал её.

Где-то под полом что-то загудело. Бетонная плита в центре бойлерной, на которой стоял постамент мумии, дрогнула и начала опускаться. Сергей отступил, глядя, как открывается шахта. Сначала показался верхний край металлической кабины. Потом — тросы, покрытые конденсатом. Потом — сама кабина, старая, обшарпанная, со следами ржавчины и выбитым окошком в двери.

Лифт остановился на уровне пола. Двери открылись с тяжёлым скрежетом.

Внутри кабина была пуста. Только на задней стенке, прямо на металле, была выцарапана надпись. Детским почер-

ком. Всего одно слово:

«Спускайся».

Сергей вошёл в кабину и нажал единственную кнопку на панели — «Вниз». Двери закрылись, и лифт начал спуск.

Сначала была только темнота и скрежет тросов. Лифт опускался медленно, рывками, словно механизм не обслуживали десятилетиями — что, вероятно, так и было. Сергей прислушивался к звукам. Где-то вверху гудел двигатель. Где-то внизу плескалась вода. А сквозь стены шахты, сквозь металл и бетон, пробивался звук — низкий, ритмичный, пульсирующий. Сердцебиение «Скифа».

Он сверился с глубиномером на поясе. Пять метров. Десять. Пятнадцать. Лифт прошёл первый подземный этаж, не останавливаясь — кнопок для промежуточных уровней на панели не было. Двадцать метров. Двадцать пять.

На тридцати метрах кабина вздрогнула и остановилась.

Сергей напрягся. Двери не открывались. Он нажал кнопку «Вниз» ещё раз — ничего. Тогда он нажал «Вверх» — та же тишина. Лифт застрял.

Он выругался и осмотрел панель. Кнопки были старые, механические, но под ними темнела ещё одна панелька — аварийная, закрытая плексигласовой крышкой. Он откинул её и увидел тумблер с надписью: «Ручное управление. Только при крайней необходимости». И ниже, маркером, от руки: *«Не открывать между этажами»*.

Он включил тумблер.

Двери дрогнули, разошлись на несколько сантиметров и

замерли. В щель пахнуло холодом и чем-то ещё — сыростью, землёй, разложением. Сергей просунул пальцы в щель, упёрся и раздвинул створки вручную.

За дверями была темнота. Не та темнота, к которой привыкаешь через минуту, — абсолютная, плотная, почти осязаемая. Луч фонаря утонул в ней, не достигнув стен. Лифт застрял в середине шахты: над головой чернел бетонный свод, под ногами зиял провал, дно которого не просматривалось.

Но на уровне груди, прямо перед дверями, начинался пол. Технический этаж. Первый подземный уровень.

Сергей перевёл дыхание, подтянулся на руках и выбрался из кабины на бетонный пол. Здесь было холодно — градуса четыре, не больше. Пар изо рта вырывался густыми клубами. И тихо — так тихо, что собственный пульс казался оглушительным.

Он огляделся. Фонарь выхватывал из темноты длинный коридор, уходящий в обе стороны. Стены, пол, потолок — всё было облицовано не бетоном. Костями.

Человеческими костями.

Они были уложены плотно, одна к другой, как плитка. Берцовые, лучевые, локтевые — длинные кости образовывали горизонтальные ряды. Позвонки заполняли промежутки. Лопатки и тазовые кости складывались в розетки и спирали. Черепа венчали углы, образуя нечто вроде капителей — пустые глазницы смотрели в пустоту, рты были разинуты в

безмолвном крике.

Это был не хаотичный оссуарий. Это была архитектура. Кто-то спроектировал и построил этот коридор, используя человеческие останки как строительный материал. И работа была выполнена с пугающей тщательностью, с почти художественной аккуратностью.

Сергей медленно двинулся вперёд, стараясь не касаться стен. Но коридор был узким, и края штормовки всё равно задевали выступающие кости. Они издавали сухой, деревянный стук. Некоторые крошились от прикосновения. Другие, напротив, были твёрдыми, как камень, и покрыты глянцевым налётом — словно лакированные.

Он шёл, считая шаги. Двадцать. Сорок. Восемьдесят. Коридор не кончался. Он разветвлялся, делал повороты, но везде была одна и та же картина: костяные стены, костяной потолок, костяной пол. Спиральные узоры перетекали друг в друга, создавая иллюзию движения — словно коридор медленно, незаметно для глаза, извивался, как кишка гигантского зверя.

На сто двадцатом шагу Сергей остановился. Впереди, в конце коридора, появился свет. Не зелёный — жёлтый, тёплый, живой. Такой же, как свет керосиновой лампы или свечи. Он мерцал, колебался, словно от сквозняка, и отбрасывал на костяные стены длинные, танцующие тени.

Сергей снял «Вебрь» с предохранителя и двинулся к свету. Чем ближе он подходил, тем теплее становился воздух.

Запах разложения сменился другим — запахом воска, старой бумаги, табака. Человеческим запахом. Жилым.

В конце коридора обнаружилась дверь. Деревянная, обитая жестью — простая, почти домашняя, какие бывают в деревенских домах. Из-под неё пробивалась полоска света. Сергей остановился, прислушался.

За дверью кто-то был. Он слышал дыхание. Медленное, тяжёлое, с присвистом — так дышат старики во сне. И голос. Низкий, бормочущий — не песня, не молитва, а бессвязное, монотонное бормотание, словно кто-то разговаривал сам с собой, повторяя одни и те же слова.

Сергей толкнул дверь.

Она открылась без скрипа. За ней была комната. Не лабораторный отсек, не техническое помещение — жилая комната. На полу — выцветший ковёр. У стены — железная кровать с панцирной сеткой. На тумбочке — керосиновая лампа, та самая, что давала свет. И стул. И стол. И на столе — тарелка с остатками еды: хлебные корки, засохшая каша, кружка с чаем. Всё свежее. Всё недавнее.

В кресле-качалке у дальней стены сидел человек.

Старик. Очень старый — с лицом, изрезанным морщинами, как пересохшая земля. Одет в застиранную рубаху и ватные штаны. На ногах — стоптанные тапочки. В руках — книга, которую он читал при свете лампы. Или делал вид, что читал. Потому что, когда Сергей вошёл, старик поднял глаза, и в них не было удивления.

— Седьмой, — произнёс он скрипучим, надтреснутым голосом. — А я всё гадал, когда ты придёшь. Раньше или позже? Ан нет — вовремя. Как раз вовремя.

Сергей замер в дверях, не опуская карабина.

— Кто вы?

— А ты не узнаёшь? — старик усмехнулся беззубым ртом. — Ну да, конечно. Тебе же память стёрли. А я — Ефим Савельич. Сторож я. Здешний. Тридцать лет сторожу. С тех самых пор, как всех эвакуировали, а меня забыли.

— Как можно забыть человека?

— А вот так, — старик отложил книгу и сложил руки на коленях. — Когда началась эвакуация, я был внизу, на третьем уровне. Проверял вентиляцию. А двери взяли и закрылись. Герметично. И связь отказала. Я стучал, кричал — никто не слышал. А потом... потом я перестал считать дни. Их было много. Очень много. И я остался здесь. Навсегда.

Сергей опустил карабин. Перед ним был не монстр, не мутант — просто сумасшедший старик, прошедший тридцать лет в костяных коридорах. Или не просто. Слишком уж спокойно он говорил. Слишком осмысленно смотрел. И главное — он не умирал от голода. На столе была еда. В кружке — чай. Значит, где-то работала система жизнеобеспечения. Или...

— Откуда еда? — спросил Сергей.

— А это, — старик хитро прищурился, — «Скиф» подаёт. Он заботится обо мне. И о тех, кто внизу. Он добрый. Он

как мать. Только некрасивый.

Старик засмеялся — тихо, дребезжаще, и от этого смеха у Сергея по спине пополз холодок. Безумие? Или что-то иное? Что-то, что он видел в глазах у Чумакова, когда тот говорил о Рябинине?

— Вы сказали — третий уровень. Сколько их всего?

— Шесть. Или семь. Я уж и не помню. Я только на трёх бывал. Дальше — нельзя. Дальше — только таким, как ты. Седьмым.

— Где вход на второй уровень?

— А вон, — старик махнул рукой в угол комнаты. — За шкафом. Лестница. Ступай. Они тебя ждут. Особенно девочка. Та, что умеет петь. Она каждую ночь поёт. Ты, наверное, слышал.

Сергей вспомнил хор на частоте 4625 кГц. Девочка. Та, что «умеет петь». Та, чей голос он слышал в телефонном сообщении. Она была одной из шестерых. И она ждала его.

— Спасибо, Ефим Савельич, — сказал он и шагнул к шкафу.

— Погоди, — старик поднялся с кресла. Впервые за весь разговор он выглядел серьёзным. — Ты вот что запомни. «Скиф» — он не злой. Он просто старый. Очень старый. И ему одиноко. Он ищет тех, кто сможет с ним говорить. Тех, кто выдержит его голос. Дети не выдержали — они замёрзли. Рябинин не выдержал — он стал частью. А ты... Ты, может, и выдержишь. Но только если не будешь бояться.

— А если буду?

— Тогда станешь таким, как я. Будешь сидеть в комнате и ждать следующего. Тридцать лет. Или триста.

Старик снова засмеялся, и Сергей, не дожидаясь продолжения, отодвинул шкаф. За ним действительно обнаружилась лестница — узкая, винтовая, уходящая вниз. Оттуда тянуло теплом и уже знакомым запахом — карболка, формалин, сладковатый тлен.

Он начал спуск.

Второй уровень встретил его тишиной.

Винтовая лестница закончилась в круглом зале с низким сводчатым потолком. Стены здесь были уже не костяные, а бетонные, покрытые белым кафелем — как в операционной. Вдоль стен тянулись металлические стеллажи, заставленные лабораторной посудой: колбами, пробирками, чашками Петри. Всё покрыто толстым слоем пыли. Под потолком висели лампы дневного света — некоторые целые, некоторые разбитые. Света не было.

Сергей двинулся вперёд, освещая путь фонарём. Стеллажи сменялись столами. На столах — старое оборудование: микроскопы, центрифуги, какие-то приборы с надписями на немецком. Архивные шкафы с выдвижными ящиками. В ящиках — папки. Сотни папок.

Он вытащил одну наугад. На обложке — гриф: «Совершенно секретно. Проект "Атлант". Инкубатор-3. Журнал наблюдений. Образец 17-Д». Открыл. Внутри — записи от руки, графики, таблицы. И фотографии. Дети. Разного возраста, от младенцев до подростков. У каждого на шее — бирка с номером. У каждого в глазах — пустота, какая бывает у тех, кто перестал надеяться.

Он пролистал журнал. Записи были сухими, медицинскими. «Образец 17-Д. Введение препарата А-7 в дозе 0,3 мл.

Реакция: повышение температуры до 41°, судороги, временная остановка сердца. Реанимация успешна. Повторное введение через 48 часов». И так — страницу за страницей. Дозы, реакции, смерти. Смерти помечались крестиком. Крестиков было много — больше половины.

Сергей захлопнул папку и бросил её обратно в ящик. Руки дрожали. Не от страха — от ярости. Здесь, в этих стенах, систематически, методично, с протоколами и печатями, убивали детей. Превращали их в «образцы». В «изделия». В материал для строительства нового человека.

Он двинулся дальше. Зал переходил в коридор. Коридор разветвлялся. На стенах висели таблички: «Инкубатор-1», «Инкубатор-2», «Операционная», «Карантин». Сергей шёл по указателю «Инкубатор-3», и по мере приближения воздух становился всё холоднее. Начали появляться капли конденсата на стенах. Потом — иней.

Дверь в Инкубатор-3 была открыта. За ней простирался огромный зал, уставленный прозрачными саркофагами. Такими же, как на кладбище, но больше — в человеческий рост. Они стояли рядами, как кровати в больничной палате. Всего — около тридцати. Большинство были пусты. Но некоторые...

Сергей подошёл к ближайшему саркофагу и посветил внутрь. Там, в зеленоватой жидкости, плавало тело. Ребёнок. Девочка лет десяти. Она была одета в пионерскую форму — белую рубашку, синюю юбку, красный галстук. Форма была

выглажена. Галстук завязан аккуратным узлом. Волосы заплетены в две тугие косички. Глаза закрыты. На губах — слабая, едва заметная улыбка.

И жабры на шее.

Три косые прорези с каждой стороны, пульсирующие в такт движению жидкости. Она дышала. Она спала. Она ждала.

Сергей обошёл саркофаг, глядя на табличку. «Образец 12-Д. Анна К. 1978 г.р. Стадия 4. Стабилен. Не вскрывать до прибытия носителя № 7». И ниже, другим почерком, более поздним: *«Ждёт. Всегда ждёт»*.

Он перевёл взгляд на следующий саркофаг. Там плавал мальчик, приблизительно того же возраста. Коротко стриженный, в белой рубашке с пионерским значком. На висках — вживлённые электроды. На груди — послеоперационный шов, проходящий от ключиц до паха. На табличке — «Образец 14-М».

Третий саркофаг. Девочка. Без ног — вместо них длинный, гибкий хвост, похожий на рыбий. Четвёртый. Мальчик с тремя глазами — третий, посередине лба, был открыт и смотрел в пустоту. Пятый. Ребёнок без пола, без лица — только гладкая кожа, натянутая на череп, и рот, зашитый хирургической нитью.

Шестой саркофаг стоял особняком. Он был пуст. Табличка гласила: «Образец 7. Прибытков С. 1983 г.р. Бракован. Эвакуирован. Носитель. Активатор».

Сергей стоял перед пустым саркофагом и смотрел на своё имя. Фамилия Прибытков. Год рождения — его год. Бракoван, эвакуирован. И теперь — вернулся. Активатор. Тот, кто разбудит остальных. Тот, ради кого всё это затевалось.

Сзади раздался звук. Лёгкий, почти неслышный — скрип открываемой двери. Он обернулся, вскидывая «Вепрь».

В дверях Инкубатора-3 стояла фигура. Не старик-сторож, не мумия, не Рябинин. Ребёнок. Девочка в пионерской форме. Та самая, что плавала в саркофаге. Только теперь она стояла на ногах, и вода стекала с её волос и одежды на пол. Глаза открыты. И они были золотыми — без зрачков, без белков, сплошное золотое сияние.

Она улыбнулась. Жабры на её шее дрогнули, и из них вырвался звук — та самая нота «ля», которую Сергей слышал в лагере.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос был тихим, мелодичным, почти музыкальным. — Мы ждали тебя, седьмой. Мы очень замёрзли. Ты согреешь нас?

Сергей опустил карабин. Палец на спусковом крючке дрогнул, но он не мог заставить себя выстрелить. Перед ним стоял ребёнок. Живой. Говорящий. И она улыбалась.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Аня, — ответила девочка. — Меня зовут Аня. Я — первая. Я умею петь. Хочешь, я спою тебе песню?

Не дожидаясь ответа, она открыла рот и запела. Та самая песня. «Взвейтесь кострами, синие ночи». Но теперь — в

правильном направлении. И голос её был чистым, звонким, почти ангельским. Он заполнял зал, отражался от стен, проникал в кости и заставлял их вибрировать в резонанс. И с каждым словом саркофаги вокруг начинали светиться. Жидкость в них приходила в движение. Тела внутри вздрагивали. Открывались глаза.

Дети просыпались.

Глава 5. Зеркало Козырева

1

Аня пела.

Голос её, чистый и звонкий, разносился по залу Инкубатора-3, отражаясь от кафельных стен и прозрачных саркофагов. Это была уже не «Взвейтесь кострами» — мелодия изменилась, стала сложнее, древнее. Словно сама музыка выходила за пределы человеческого слуха, балансируя на грани ультразвука. Сергей чувствовал вибрацию в костях, в зубах, в том золотистом шраме на ладони, который оставила кровь на саркофаге Рябинина. Шрам пульсировал в такт пению, и кожа вокруг него начала светиться — слабо, едва заметно, но неотвратимо.

В саркофагах пробуждалась жизнь.

Первым пошевелился мальчик с электродами на висках. Его глаза открылись — не золотые, как у Ани, а чёрные, бездонные, поглощающие свет фонаря. Жидкость в саркофаге забурлила, пошла пузырями. Крышка дрогнула и отъехала в сторону. Мальчик сел, опутанный трубками, и уставился на Сергея. Он не говорил — но Сергей слышал его голос. Прямо в голове. Сухой, бесстрастный, лишённый интонаций:

— *Ты опоздал. Мы ждали раньше. Тридцать лет. Три го-*

да. *Три дня. Ты опоздал на три дня.*

— Я пришёл, как только смог, — ответил Сергей вслух.
— Я не знал.

— *Теперь знаешь. Теперь ты с нами. Ты разбудил Аню. Ты разбудил меня. Разбуди остальных.*

Сергей обернулся к остальным саркофагам. Девочка с рыбьим хвостом уже открыла глаза и смотрела на него сквозь зеленоватую жидкость — спокойно, изучающе. Трёхглазый мальчик прижал ладони к стеклу изнутри, и его третий глаз, посередине лба, вращался независимо от двух других. Существо без лица — пятый образец — не шевелилось, но жидкость вокруг него нагревалась, закипала, и по её поверхности расходились круги.

— Кто вы? — спросил Сергей. — Как вас зовут?

Аня перестала петь и подошла ближе. Её шаги были бесшумными — босые ноги не касались пола, она парила в нескольких сантиметрах над бетоном. Жабры на её шее ритмично открывались и закрывались.

— Имена нам дали здесь, — сказала она. — Но мы не помним, какие имена были до этого. Я — Аня. Он, — она указала на мальчика с электродами, — Миша. Он слышит мысли. Все мысли. Всегда. Это больно, но он привык.

— *Привык,* — подтвердил голос в голове Сергея. — *Все мысли. Твои тоже. Ты боишься, седьмой. Ты боишься нас. Ты боишься себя. Ты думаешь о золоте. Золота нет. Золото — это ты.*

— А остальные? — Сергей кивнул в сторону саркофагов.

— Лена, — Аня указала на девочку с хвостом. — Она дышит водой. Когда была война, её учили плавать в радиоактивных реках. А это Коля. Он видит завтра.

Трёхглазый мальчик разомкнул губы и произнёс — хрипло, с трудом, словно не пользовался голосом много лет:

— Завтра... будет... больно.

— А пятый?

Аня замаялась. Миша в голове Сергея замолчал. Даже Коля отвёл взгляд — все три глаза одновременно.

— Пятый — это Вера, — сказала Аня тихо. — У неё нет лица. Ей удалили лицо, потому что она могла им убивать. Когда она смотрела на человека, он умирал. Они боялись её больше всех. Они зашили ей рот, нос и глаза. Но она всё равно видит. И говорит. Только не с нами. Она говорит со «Скифом». Она — его голос.

Сергей посмотрел на существо без лица. Жидкость в саркофаге Веры больше не кипела — она застыла, превратилась в лёд, и в этом льду, как в янтаре, покоилась маленькая фигурка без возраста и пола. Но даже сквозь лёд он чувствовал её взгляд. Не глазами — чем-то другим. Чем-то, что проникало под кожу, в кости, в кровь.

И золотой шрам на ладони отозвался болью.

— Почему вы здесь? — спросил Сергей, отводя взгляд от саркофага Веры. — Почему вы не вышли на поверхность?

— Мы не можем, — ответила Аня. — «Скиф» держит нас.

Он — наш дом. Если мы уйдём далеко, мы умрём. Только ты можешь уходить и возвращаться. Ты — седьмой. Ты — ключ. Ты можешь открыть дверь.

— Какую дверь?

— Туда, — Аня указала вглубь зала, где темнел ещё один коридор. — На нижние уровни. К Чаше. К сердцу «Скифа». Мы проведём тебя. Мы покажем. Но ты должен обещать, что не бросишь нас. Что ты вернёшься и освободишь.

Сергей посмотрел на неё. На жабры, пульсирующие на шее. На золотые глаза, лишённые век. На босые ноги, парящие над полом. Ей было десять лет. Или десять лет с виду. На самом деле — почти сорок. Она провела в этом саркофаге больше времени, чем он прожил на поверхности. И она всё ещё верила в обещания.

— Я обещаю, — сказал он. — Я вернусь и освобожу вас.

Аня улыбнулась. И в этой улыбке было что-то жуткое — не детское, не невинное, а древнее и понимающее. Словно она знала то, чего Сергей ещё не осознал.

— Тогда идём, — сказала она. — Мы покажем тебе Зеркало.

Они шли впятером — Аня впереди, паря над полом; Миша сзади, и его шаги были беззвучны, а голос в голове Сергея звучал тихим аккомпанементом; Лена, ползущая на руках, волоча за собой длинный чешуйчатый хвост; Коля, то и дело замирающий и глядящий в пустоту всеми тремя глазами. Вера осталась в саркофаге — или сделала вид, что осталась. Сергей чувствовал её присутствие, даже когда они вышли из Инкубатора-3 в длинный, слабо освещённый коридор.

Коридор был иным, чем на первом уровне. Никаких костей. Стены здесь были покрыты металлическими панелями — гладкими, отполированными до зеркального блеска. Они отражали свет фонаря, дробя его на сотни бликов. И в этих бликах двигались тени — не те, что отбрасывали идущие, а другие, живущие собственной жизнью. Они скользили по периферии зрения, исчезали, когда Сергей пытался взглянуть, и возвращались, когда он отводил взгляд.

— Что это за место? — спросил он.

— Уровень два. Психотронный, — ответила Аня. — Здесь они испытывали наше сознание. Учили нас двигать предметы. Читать мысли. Видеть сквозь стены.

— *Здесь они нас ломали,* — добавил Миша в голове. — *Если мы не справлялись, нас наказывали. Отключали свет. Отключали воздух. Мы сидели в темноте и ждали, пока*

кто-нибудь не сдастся и не начнёт кричать. Тогда они включали всё обратно.

— Кто «они»?

— Воспитатели, — голос Ани стал тише. — Взрослые в белых халатах. Они говорили, что мы — будущее. Что мы построим коммунизм. Что мы должны быть сильными. Но они боялись нас. Особенно Веру. Особенно, когда она начала убивать взглядом.

— Как она это делала?

— Никто не знает. Просто смотрела — и человек падал. Без крови. Без ран. Просто переставал дышать. Они пытались изучить это. Не смогли. Тогда они зашили ей лицо. Но она всё равно видит. И ждёт.

Сергей оглянулся на тени, скользящие по зеркальным панелям. Теперь они стали гуще, плотнее, словно набирали силу. И в их движении проступал ритм — тот самый, низкочастотный, пульсирующий. Сердцебиение «Скифа».

— Мы пришли, — сказала Аня и остановилась перед массивной металлической дверью.

Дверь была круглой, как иллюминатор батискафа, с тяжёлым запорным колесом. На ней была табличка: «Лаборатория психотронных исследований. Зеркало Козырева. Доступ только с разрешения руководителя проекта». И ниже, от руки, уже знакомым почерком: *«Не входить без защиты сознания»*.

— Что такое Зеркало Козырева? — спросил Сергей.

— Это машина, — ответила Аня. — Она может показать тебе то, чего нет. Или то, что будет. Или то, что было. Мы не знаем точно. Мы знаем только, что там, внутри, время течёт иначе. Ты можешь увидеть себя. Или того, кем ты станешь.

— *Или того, кем ты был,* — добавил Миша.

Сергей посмотрел на запорное колесо. Ржавчина покрывала его толстой коркой, но механизм, судя по всему, был исправен — кто-то регулярно смазывал шарниры. Ефим Савельич? Или сам «Скиф»?

— Зачем мне туда?

— Чтобы понять, — Аня подошла ближе и положила ладонь на его руку. Прикосновение было холодным, но не неприятным. — Ты всё ещё думаешь, что ты — Сергей Волков, чёрный копатель. Но ты не он. Ты — седьмой. Ты — Прибытков. Ты был создан здесь. И пока ты не вспомнишь, пока ты не увидишь — ты не сможешь спуститься ниже. Зеркало покажет тебе правду. Но будет больно.

— «Завтра будет больно», — процитировал Сергей, глядя на Колю.

Трёхглазый мальчик кивнул, не отводя взгляда от двери.

— Завтра, — повторил он. — Или сегодня. Здесь время... неправильное.

Сергей взялся за запорное колесо обеими руками и повернул. Механизм поддался неожиданно легко — словно его только что смазывали. Колесо сделало полный оборот, щёлкнули запоры, и круглая дверь открылась, впуская поток хо-

лодного, сухого воздуха.

За дверью была темнота. И тишина. Не обычная тишина подземелья — абсолютная, звуконепроницаемая, как в сурдокамере. Сергей шагнул внутрь, и дверь за ним закрылась с мягким, но окончательным звуком. Он остался один.

Пространство, в котором он оказался, было лишено ориентиров. Пол, стены, потолок — всё исчезло. Только тьма. Только тишина. И холод — сухой, электризующий, пахнущий озоном.

Сергей сделал шаг вперёд. Под ногами ничего не было — но он не падал. Он висел в пустоте, не чувствуя веса собственного тела. Фонарь погас. «Вепрь» исчез — он не чувствовал его ни на плече, ни в руках. Осталось только сознание, подвешенное в чёрной бесконечности.

А потом появился свет.

Сначала — точка. Маленькая, золотая, пульсирующая. Она росла, расширялась, набирала яркость, пока не заполнила всё пространство. И в этом свете проступили очертания.

Он увидел комнату. Не подземную лабораторию — обычную комнату в обычной квартире. Обои в цветочек. Сервант с хрусталём. Телевизор «Рекорд» на тумбочке. За столом сидел мужчина в форме майора госбезопасности. Он что-то писал в толстой тетради, низко склонив голову. Сергей узнал его — не по памяти, а по чему-то более глубинному. По крови. По золотой пульсации в шраме на ладони.

Майор Прибытков. Его отец.

Видение дрогнуло и сменилось другим. Та же комната, но теперь в ней было больше людей. Майор стоял, прижимая

к груди свёрток. Ребёнок. Младенец с тёмными волосами и неестественно яркими, золотистыми глазами. Майор говорил с кем-то — не видимым, находящимся за кадром:

— Я не отдам его. Он не образец. Он мой сын. Я вывезу его отсюда, и плевать мне на проект, на Рябинина, на всё. Он будет жить нормальной жизнью.

Голос майора дрожал. Он боялся. Но в его страхе была решимость — та, что отличает отца, готового на всё ради ребёнка.

Третье видение. Подземный коридор. Тот самый, костяной. Майор бежит, прижимая к груди ребёнка. За ним — погоня. Люди в химзащите. Слышны выстрелы. Майор падает, закрывая собой младенца. И кричит — не от боли, а от ярости:

— Ты будешь жить! Слышишь? Ты будешь жить! Не возвращайся сюда никогда!

Четвёртое видение. Комната следователя. Стол, лампа, графин с водой. На стуле — майор, избитый, с разбитым лицом, но не сломленный. Напротив — человек в штатском, с лицом Рябинина. Молодого, ещё не мутировавшего.

— Вы понимаете, что сделали, Михаил Матвеевич? — спрашивает Рябинин. — Вы украли ключевой образец. Вы поставили под угрозу весь проект.

— Я спас своего сына, — отвечает майор.

— Ваш сын — не ваша собственность. Он — достояние государства. Он — будущее проекта «Атлант». Без него

«Скиф» не проснётся полностью. Шестеро — это только начало. Седьмой — это активатор. Вы это знаете.

— Именно поэтому я его вывез. Я не позволю вам превратить моего ребёнка в монстра.

Рябинин долго смотрит на майора. Потом кивает. Спокойно, даже доброжелательно.

— Хорошо. Вы сделали свой выбор. Мы сотрём ему память. Мы сотрём память вам. Вы никогда не вспомните друг друга. Но знайте: «Скиф» помнит. И однажды он позовёт его обратно. И тогда ваш сын сам решит, кем ему быть.

Пятое видение. Автомобильная трасса. Ночь. Майор Прибытков за рулём «Волги». Рядом, на пассажирском сиденье, — женщина с младенцем на руках. Они смеются. Они счастливы. Они не знают, что за ними следят.

Вспышка. Удар. Машина летит в кювет. Взрыв.

Сергей кричал, но не слышал собственного голоса. Он пытался отвернуться, закрыть глаза — но видения были внутри него, они проецировались прямо в мозг, и не было способа остановить этот поток.

Шестое видение. Он сам. Маленький. Три года. В детском доме. Чужие лица, чужие руки. Он не помнит родителей. Он не помнит лагеря. Он не помнит «Скифа». Но в его крови уже живёт золотой симбионт, и по ночам ему снятся костяные коридоры и дети с рыбьими хвостами.

Седьмое видение. Настоящее. Он стоит перед Зеркалом и видит своё отражение. Но отражение не повторяет его дви-

жений. Оно живёт своей жизнью. Оно улыбается, хотя Сергей не улыбается. Оно поднимает руку, хотя Сергей стоит неподвижно. И на ладони у отражения — не шрам, а распустившийся золотой цветок, пульсирующий, живой.

— Ты — это я? — спрашивает Сергей.

— Я — это ты, — отвечает отражение. — Только тот, кем ты станешь. Если примешь «Скифа».

— А если не приму?

— Тогда умрёшь. Или станешь таким, как Ефим Савельич. Выбирай.

Сергей протянул руку и коснулся поверхности зеркала. Та оказалась не твёрдой — жидкой, тёплой, обволакивающей. Пальцы погрузились в неё, как в ртуть, и отражение схватило его за запястье. Хватка была крепкой, почти до боли.

— Идём, — сказала отражение. — Я покажу тебе, что будет, если ты проиграешь.

И пространство вокруг схлопнулось.

Он увидел мир, которого не существовало. Или который ещё не наступил.

Степь. Выжженная, мёртвая, покрытая серым пеплом. Ни травы, ни деревьев — только потрескавшаяся земля и остовы зданий на горизонте. Небо — низкое, тяжёлое, цвета запёкшейся крови. Солнца нет. Только тусклое, рассеянное свечение, идущее сразу со всех сторон.

По степи идут люди. Вернее, не люди — фигуры, когда-то бывшие людьми. Их тела изменены до неузнаваемости: у кого-то — множественные конечности, у кого-то — костяные наросты вместо кожи, у кого-то — лица, лишённые черт. Они идут медленно, но целеустремлённо, и над ними, в багровом небе, висит огромный пульсирующий шар — золотой, живой, пронизанный сетью кровеносных сосудов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.